ГОДЪ КІЕВСКІЯ XXXVI.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Цѣна годовому изданію 4 руб. съ пересылкою Выходитъ два раза въ мѣсяцъ 1 и 16 чиселъ.

1896 года. № 8. 16 Апрѣля.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Поучительное чтеніе

о св. Стефанѣ Пермскомъ, просвѣтителѣ зырянъ [1]).

(26 апрѣля 1396 г.—26 апрѣля 1896 г.).

Нынѣ, 26 апр. 1896 г. исполнилось 500 лѣтъ со дня кончины просвѣтителя святою Вѣрою обширной части Русской земли, зырянской страны [2]), славнаго святителя Стефана Пермскаго. Въ этотъ приснопамятный день очень благовременно припомнить всѣмъ сынамъ православной Руси житіе этого великаго учителя—апостола, такъ много потрудившагося во благо нашей святой Православной церкви и нашего дорогого отечества.

Св. Стефанъ родился въ городѣ Устюгѣ двинской области отъ низшаго служителя соборной градской церкви, дьяка

[1]) Члена Кіевск. Общества распростр. религ.-нравств. просвѣщенія въ духѣ Пр. Церкви, доцента Кіев. Акад. Ѳ. И. Титова.

[2]) Обнимающей губ. пермскую, вологодскую и др,—носившей прежде названіе Біарміи.

Θеодора и его жены Маріи. Въ раннемъ дѣтствѣ родители отдали своего сына въ „книжное наученіе". Мальчикъ на первыхъ же порахъ обнаружилъ рѣдкія умственныя способности: острую память и быструю понятливость. Благодаря этому, онъ „вскорѣ извыче всю грамоту", По окончаніи „книжнаго наученія", онъ сдѣлался канонархомъ и чтецомъ соборной церкви г. Устюга. Въ это время онъ съ усердіемъ продолжалъ свое образованіе посредствомъ постояннаго чтенія книгъ, такъ что скоро научился „всей грамотичной хитрости". Кромѣ того, „изъ дѣтства отличавшійся сердечною чистотою", онъ въ раннемъ возрастѣ принялъ иноческій санъ и для своихъ первоначальныхъ иноческихъ подвиговъ избралъ ростовскій монастырь св. Григорія Богослова, „яко книги многи бяху ту, довольны суща ему на потребу почитаниа ради", прибавляетъ его жизнеописатель.

Въ монастырскомъ уединеніи св. Стефанъ заботился главнымъ образомъ о самоусовершенствованіи въ благочестіи. Не смотря на свои молодые годы, онъ велъ здѣсь такую строгую подвижническую жизнь, что его постъ, терпѣніе, незлобіе, любовь, смиреніе и послушаніе удивляли всѣхъ окружавшихъ его. Время же, остававшееся свободнымъ отъ упражненія въ подвигахъ иноческой жизни, св. Стефанъ по прежнему посвящалъ книжнымъ занятіямъ. Онъ перечиталъ за это время многія книги и многія изъ нихъ, кромѣ того, переписалъ собственноручно. За такіе свои подвиги въ аскетической жизни и за успѣхи въ „книжномъ разумѣніи" св. Стефанъ скоро былъ удостоенъ сана іеродіакона.

Въ это время въ головѣ юнаго, по своему времени хорошо образованнаго, инока созрѣваетъ та великая мысль, осуществленіе которой принесло столько блага русскому народу и вмѣстѣ съ святостію жизни обезсмертило св. Стефана. Не подлежитъ сомнѣнію, конечно, что большое значеніе въ этомъ дѣлѣ имѣло знакомство св. Стефана съ состояніемъ язычествовавшихъ

зырянъ, которые жили въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ родиной св. Стефана. Съ другой стороны, знаніе первоначальной христіанской исторіи, тѣхъ апостольскихъ подвиговъ, посредствомъ которыхъ распространялось христіанство въ странахъ языческихъ, равно какъ и знаніе исторіи распространенія христіанства между славянами и насажденія его въ родной русской землѣ,—знаніе всего этого также могло побудить св. Стефана къ принятію на себя святаго подвига апостольства.

Вполнѣ постигая своимъ проницательнымъ умомъ трудность принятаго на себя великаго подвига, св. Стефанъ не сразу взялся за осуществленіе мысли просвѣтить христіанскимъ ученіемъ закоренѣлыхъ язычниковъ—зырянъ. Къ своему подвигу онъ готовился постепенно и основательно въ теченіи цѣлыхъ тринадцати лѣтъ монастырской жизни, подобно тому, какъ въ свое время готовились къ подвигамъ апостольства и святые братья, просвѣтители славянъ, Кириллъ и Мееодій. Въ это время онъ самъ предварительно хорошо изучилъ зырянскій языкъ. Онъ тщательно изучилъ также страну, жизнь и бытъ зырянскаго народа, путемъ бесѣдъ съ зырянами, приходившими по торговымъ и другимъ дѣламъ въ Ростовъ и Устюгъ. Въ это время приготовленія къ задуманной дѣятельности св. Стефанъ изучилъ и греческій языкъ, такъ что могъ свободно читать греческія книги и переводить ихъ на русскій и зырянскій языки. Пользуясь отчасти буквами греческаго и славянскаго алфавитовъ, отчасти же чертами и рѣзами, которыя употреблялись у зырянъ, вмѣсто письменныхъ знаковъ, св. Стефанъ самъ создалъ и зырянскую азбуку, подобно тому какъ нѣкогда свв. Кириллъ и Мееодій изобрѣли славянскую азбуку. При помощи вновь созданной азбуки, св. Стефанъ перевелъ на зырянскій языкъ нѣкоторыя греческія и славянскія книги, необходимыя для задуманнаго имъ дѣла, и самъ собственноручно переписалъ ихъ по-зырянски. По доброму древнему христіанскому обычаю, онъ рѣшается прежде всего испро-

сить благословеніе первосвятителя русской церкви на свой подвигъ. Съ этою цѣлію онъ отправляется въ Москву. Коломенскій епископъ Герасимъ, завѣдывавшій тогда дѣлами московской митрополіи, одобрилъ намѣреніе св. Стефана, благословилъ его на святое дѣло и, рукоположивъ его въ санъ пресвитера, надѣлилъ его всѣмъ необходимымъ для крещенія язычниковъ и для устроенія храмовъ Божіихъ въ зырянской землѣ. Напутствованный наставленіями святителя русской церкви, св. Стефанъ въ 1379 году отправился проповѣдывать евангеліе зырянамъ.

Зыряне-язычники неодинаково отнеслись къ благовѣстію христіанскаго проповѣдника. Многіе враждебно встрѣтили его. Этому больше всего содѣйствовало ложное представленіе о тѣхъ послѣдствіяхъ, какія должно было повлечь за собою крещеніе, посредствомъ котораго св. Стефанъ принималъ язычниковъ въ христіанскую церковь. Зыряне думали, что крещеніе дѣлало ихъ подданными и данниками русскаго царя. Потому и на самаго проповѣдника христіанства они смотрѣли, какъ на царскаго посланника, Такое ложное убѣжденіе въ язычникахъ-зырянахъ, безъ сомнѣнія, распространяли и поддерживали ихъ жрецы, матеріальные интересы которыхъ больше всего страдали отъ успѣха проповѣди христіанскаго благовѣстника. Этому послѣднему пришлось на первыхъ порахъ много потерпѣть отъ ожесточенныхъ язычниковъ. Они неоднократно дѣлали попытки умертвить ненавистнаго имъ христіанскаго благовѣстника. Только Промыслъ Божій, чудесно охранявшій Своего избранника, великое самоотверженіе, кротость и незлобіе этого послѣдняго спасали его отъ смертной опасности въ рѣшительную минуту. Но не всѣ зыряне такъ относились къ проповѣди св. Стефана. Нѣкоторые внимательно вслушивались въ слова христіанскаго благовѣстника, убѣждались его увѣщаніями оставить свои языческія заблужденія и дѣлались его послѣдовате-

лями. Ихъ привлекала къ христіанскому проповѣднику необыкновенная простота и высокая нравственная чистота его ученія, особенно по сравненію съ вѣрою, какую они исповѣдывали. Весьма много успѣху проповѣди св. Стефана содѣйствовало, безъ сомнѣнія, и то, что онъ проповѣдывалъ евангеліе зырянамъ на ихъ собственномъ языкѣ. Съ евангеліемъ и посохомъ въ рукахъ св. Стефанъ путешествовалъ по всѣмъ зырянскимъ поселеніямъ, заходилъ въ жилища зырянъ и здѣсь по-долгу бесѣдовалъ съ тѣми, кто желалъ слушать его проповѣдь. Просто и понятно онъ училъ ихъ объ истинномъ Богѣ, сотворившемъ все и промышляющемъ о всемъ, говорилъ имъ о Сынѣ Божіемъ, искупившемъ міръ Своею кровію, и о необходимости всѣмъ жить свято и богоугодно для того, чтобы наслѣдовать блаженство въ будущей жизни. Такое простое и необыкновенное ученіе производило глубокое впечатлѣніе на нѣкоторыхъ изъ зырянъ. Они сами нерѣдко приходили къ св. Стефану и по-долгу бесѣдовали съ нимъ о Вѣрѣ. Когда обратившихся ко Христу собралось значительное число, св. Стефанъ построилъ въ Усть-выми, бывшей тогда главнымъ поселеніемъ зырянъ, первую церковь для зырянъ во имя Благовѣщенія, которая, по его мысли, должна была послужить началомъ спасенія обитателей зырянской земли. Вновь устроенная Благовѣщенская церковь, дѣйствительно, явилась мѣстомъ усиленнаго обращенія зырянъ въ христіанство. Вмѣстѣ съ вѣрующими ее посѣщали и невѣрные язычники. Христіанское богослуженіе, благоговѣйно совершавшееся здѣсь просвѣтителемъ зырянъ, а также и никогда неумолкавшая его проповѣдь производили сильное впечатлѣніе на приходившихъ язычниковъ.

Ободряемый успѣхомъ своей проповѣди, св. Стефанъ неутомимо продолжалъ свое дѣло распространенія и утвержденія христіанства въ пермской землѣ. При этомъ главное вниманіе онъ обращалъ не столько на то, чтобы какъ можно

болѣе обратить язычниковъ въ христіанство, сколько именно на то, чтобы положить прочное основаніе для будущаго просвѣщенія всей зырянской земли. Съ этою цѣлію онъ училъ грамотѣ обратившихся въ христіанство и сообщалъ имъ такія познанія въ области христіанскаго вѣроученія, какія были необходимы имъ для того, чтобы они сами потомъ могли сдѣлаться учителями своихъ единоплеменниковъ. Такимъ образомъ, уже въ это время св. Стефанъ постепенно подготовлялъ себѣ сотрудниковъ, которые, подъ его руководствомъ, переписывали священныя и богослужебныя книги по-зырянски и проповѣдывали евангеліе между своими сородичами.

Неудивительно, если быстрый успѣхъ христіанской проповѣди еще болѣе ожесточалъ закоренѣлыхъ язычниковъ противъ св. Стефана. Въ особенности этотъ успѣхъ былъ непріятенъ жрецамъ зырянскимъ. Многіе изъ нихъ приходили къ христіанскому проповѣднику, который всѣхъ ихъ охотно принималъ, кротко бесѣдовалъ, велъ съ ними даже всенародныя пренія и силою своего благодатнаго слова побѣждалъ ихъ и приводилъ ко Христу. Ревностные и преданные послѣдователи св. Стефана, въ свою очередь, вели постоянныя бесѣды и пренія съ своими единоплеменниками изъ-за превосходства Христіанской вѣры предъ языческою. Понятно, что дѣло не обходилось при этомъ безъ гоненій на христіанъ со стороны невѣрныхъ язычниковъ. А христіане, съ своей стороны, иногда слишкомъ открыто показывали свое презрѣніе къ языческой вѣрѣ своихъ сородичей и тѣмъ возбуждали ихъ ожесточеніе противъ себя. Такимъ образомъ, скоро борьба христіанства съ язычествомъ распространилась и обняла всю обширную зырянскую землю. Какъ вездѣ, гдѣ только распространялось христіанство, такъ и здѣсь съ буквальною точностію исполнялись пророческія слова Спасителя: „Я пришелъ раздѣлить человѣка съ отцомъ его, и дочь съ матерью ея, и невѣстку со свекровью ея, и враги человѣку—домашніе его“ (Мѳ. V, 35—36).

Начавшаяся борьба между христіанствомъ и язычествомъ вездѣ оканчивалась въ пользу христіанства. Какъ прежде зыряне убѣгали и скрывались отъ новгородскихъ повольниковъ, такъ теперь язычество постепенно отступало предъ христіанствомъ. Христіанская вѣра успѣшно и быстро распространялась между зырянами. Тогда языческая партія выставила изъ своей среды самаго сильнаго, по ея мнѣнію, борца противъ христіанскаго благовѣстника въ лицѣ глубокаго старца, начальника всѣхъ волхвовъ, именемъ Пама. Онъ пользовался великимъ уваженіемъ среди всѣхъ своихъ соотечественниковъ. Хитрый старецъ желалъ остановить успѣхъ христіанской проповѣди и даже возвратить въ языческую вѣру уже обратившихся въ христіанство посредствомъ льстиваго увѣщанія. Онъ хотѣлъ подѣйствовать на свойственное каждому человѣку чувство привязанности къ родинѣ и ко всему родному. „Не оставляйте", —говорилъ онъ своимъ соотечественникамъ,—„не оставляйте отеческихъ боговъ, не слушайте Стефана, пришедшаго изъ Москвы. Можетъ ли быть для насъ изъ Москвы что-либо доброе? Не оттуда ли пришли на насъ тяжкія дани, и насильство, и тіуны, и приставники? Но меня слушайте, вашего единоземца, единоплеменника и давняго учителя, желающаго вамъ добра,—меня старца, а не того русина —москвитянина, который по лѣтамъ годился бы мнѣ въ сыны и даже внуки".

Св. Стефанъ понималъ, какой вредъ христіанской проповѣди могутъ причинить такія рѣчи льстиваго старца, пугавшаго своихъ единоплеменниковъ политическою зависимостію отъ Москвы. Св. Стефанъ сначала попытался обратить его самого въ Христіанскую вѣру. Когда же не успѣлъ въ этомъ, онъ вызвалъ стараго волхва на всенародное испытаніе превосходства новой Христіанской вѣры предъ старой, языческой вѣрой. Побѣжденный и пристыженный въ этомъ испытаніи закоренѣлый язычникъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми своими послѣдователями рѣшилъ удалиться изъ родной земли.

Побѣда христіанскаго благовѣстника надъ главнымъ представителемъ язычества, вѣроятно, сопровождалась особенно успѣшнымъ распространеніемъ евангелія среди зырянъ. Въ виду множества новообращенныхъ христіанъ, для которыхъ требовалось много и священнослужителей, св. Стефанъ нашелъ необходимымъ просить для зырянскихъ христіанъ особаго епископа, для чего и отправился въ Москву. Митрополитъ Пименъ, съ согласія великаго князя московскаго, поставилъ въ 1383 г. епископомъ для пермскихъ зырянъ самаго просвѣтителя ихъ—Стефана. Возвратившись изъ Москвы въ санѣ епископа, св. Стефанъ началъ еще съ бо́льшею ревностію трудиться надъ насажденіемъ и—главное—возращеніемъ прежде посѣянныхъ сѣмянъ христіанскаго ученія среди зырянъ. „Онъ,—скажемъ словами его ученика и жизнеописателя,—повсюду розыскивалъ, гдѣ оставались некрещенные, и въ какихъ бы предѣлахъ ни находилъ ихъ, обращалъ отъ язычества и крестилъ; а всѣхъ крещенныхъ утверждалъ въ вѣрѣ и убѣждалъ простираться впредь; училъ ихъ пермской грамотѣ, писалъ имъ книги, ставилъ и святилъ церкви, которыя снабжалъ книгами и иконами, открывалъ монастыри, постригалъ въ чернецы, устроялъ игуменовъ, поставлялъ священниковъ, діаконовъ и причетниковъ. И священники его служили обѣдни на пермскомъ языкѣ, пѣли вечерни и заутрени пермскою рѣчью; и канонархи его возглашали каноны по пермскимъ книгамъ, и чтецы читали пермскою бесѣдою, и пѣвцы всякое пѣніе совершали по-пермски“. Кромѣ многихъ храмовъ, св. Стефанъ основалъ двѣ обители, которыя, по его мысли, должны были служить расадниками христіанства въ зырянской землѣ, воспитательницами будущихъ миссіонеровъ ея. Вообще нужно сказать, что св. Стефанъ заботился не только о настоящемъ состояніи, но и о будущей судьбѣ христіанства въ зырянской землѣ. Въ своихъ отношеніяхъ къ зырянскимъ христіанамъ, онъ былъ какъ бы отцомъ по-

среди дѣтей. Онъ заботился объ удовлетвореніи не только духовныхъ ихъ нуждъ, но также и матеріальныхъ, житейскихъ. Онъ былъ ихъ ходатаемъ предъ московскимъ правительствомъ, защитникомъ ихъ предъ Новгородомъ, вольныя дружины котораго часто дѣлали опустошительные набѣги на зырянскую землю, былъ кормильцемъ ихъ, доставлявшимъ имъ хлѣбъ въ неурожайные годы; для этого онъ неоднократно предпринималъ путешествія въ Новгородъ и Москву. Во время одного изъ такихъ своихъ путешествій, въ 1396 году онъ и скончался въ 26-й день апрѣля, въ Москвѣ, гдѣ и былъ погребенъ.

ПОУЧЕНІЕ
о духовной слѣпотѣ [1]).

Рече Іисусъ: на судъ Азъ въ міръ сей пріидохъ, да невидящіи видятъ, и видящіи слѣпи будутъ (Іоан. 9, 39).

Въ святомъ Евангеліи разсказывается, между прочимъ, объ исцѣленіи Іисусомъ Христомъ одного несчастнаго слѣпорожденнаго человѣка. *И мимоидый* Іисусъ, *видѣ человѣка слѣпа отъ рожденія*... Какое тяжелое бѣдствіе—слѣпота глазъ! Мы вполнѣ наслаждаемся величіемъ и красотою дѣлъ Божіихъ. Слѣпецъ же не видитъ ничего: слѣпецъ не только не видитъ видимой природы,—онъ не видитъ лица своей матери, своего отца, своихъ близкихъ родныхъ; слѣпецъ не видитъ когда день, когда ночь; вся жизнь слѣпца есть непроглядная ночь. Мы, обладающіе счастіемъ зрѣнія, можемъ трудиться и

---

[1]) Члена кіевск. Общ. распр. религ.-нравст. просв. въ духѣ Прав. Церкви, прот. К. Ѳоменко.

своимъ трудомъ зарабатывать себѣ и своимъ приснымъ насущный хлѣбъ. И какъ пріятенъ этотъ трудъ, особенно если этотъ трудъ честный! А несчастный слѣпецъ лишенъ и этого утѣшенія—наслаждаться дѣлами своихъ рукъ, своего труда. Онъ во всю свою жизнь долженъ ожидать помощи и поддержки отъ другихъ.. Такого несчастнаго безпомощнаго страдальца и благоволилъ исцѣлить Христосъ Господь. *Егда въ мірѣ есмъ*, сказалъ при этомъ Господь, *свѣтъ есмь міру* (9, 5).

Какое же назиданіе преподаетъ намъ евангельскій разсказъ объ исцѣленіи слѣпорожденнаго?—*Егда и мы слѣпы есмы!* Великое благодареніе Господу Богу за то, что мы нашими чувственными глазами видимъ великій и дивный міръ Божій; мы не слѣпы. Но, бр., кромѣ слѣпоты тѣлесной существуетъ еще и «слѣпота духовная». Въ чемъ же она состоитъ?—А въ томъ, что видящій человѣкъ не видитъ, не желаетъ видѣть міра духовнаго, міра невещественнаго, — премірнаго міра, небеснаго. Упорствующій духовный слѣпецъ не видитъ «духовными очами», т. е. своимъ сердцемъ, и не желаетъ видѣть Бога вездѣсущаго и просвѣщающаго всѣхъ,—не желаетъ знать свв. ангеловъ, и святыхъ угодниковъ Божіихъ,– не хочетъ думать о загробной жизни и о томъ, что открываетъ намъ объ этихъ тайнахъ Слово Божіе. Упорный духовный слѣпецъ не видитъ и не желаетъ видѣть въ себѣ самомъ своей собственной души—сего священнаго *образа и подобія Божія* въ человѣкѣ, объясняя всѣ дѣла человѣческія только проявленіемъ видимыхъ силъ и законовъ природы. Духовный слѣпецъ смѣжаетъ свои очи, когда не все въ видимомъ мірѣ поддается объясненію видимыхъ законовъ. Онъ отрицаетъ законы духа. А дѣйствія благодати Божіей?.. Духовный слѣпецъ отъ сихъ глаголовъ

закрываетъ даже свои уши, а не только свои очи. И такіе духовные слѣпцы бываютъ даже слѣпорожденные, какъ существуютъ слѣпорожденные по тѣлесной природѣ. Такіе духовные слѣпорожденные бываютъ въ тѣхъ несчастныхъ семействахъ, гдѣ отецъ и мать забыли Бога и все святое въ мірѣ и въ такомъ направленіи ведутъ воспитаніе своихъ дѣтей; такіе духовные слѣпцы нерѣдкость и въ такихъ обществахъ, въ которыхъ дѣло Вѣры Христовой и св. евангельскаго ученія забывается и находится въ небреженіи.

Слѣпота духовная для человѣка, конечно, гораздо опаснѣе и страшнѣе слѣпоты тѣлесной. Съ потерей зрѣнія глазъ, человѣкъ теряетъ для своего пользованія міръ видимый, міръ внѣшній; а при слѣпотѣ духовной онъ совершенно гибнетъ для міра духовнаго, т. е. того міра, для вѣчнаго пребыванія въ которомъ и предназначенъ собственно человѣкъ, какъ сынъ Отца Небеснаго. Слѣпота тѣлесная лишь временное, правда, крайне тяжелое, несчатіе; слѣпота же духовная по своимъ послѣдствіямъ должна перейти за предѣлы времени, въ вѣчность,—это погибель вѣчная. Духовный слѣпецъ, по своему крайне тяжелому нравственному положенію, близокъ къ духовному мертвецу. Для того и другого не существуетъ духовной жизни, которая собственно только и есть жизнь истинно христіанская. Духовные слѣпцы, по словамъ пророка, *между живыми—какъ мертвые* (Исх. 59, 10). Тяжелое, ужасно тяжелое положеніе—слѣпота духовная! Горе тому, кто потерялъ духовное зрѣніе!

Братіе! будемъ усердно и тщательно охранять наши духовныя очи. Вѣдь и наши глаза тѣлесные требуютъ бдительнаго за собою ухода. Будемъ бдительно стараться объ исцѣленіи слѣпоты духовной, если толь-

ко этотъ недугъ коснулся нашего духовнаго зрѣнія. А недугъ этотъ поражаетъ человѣка тогда, когда онъ, потерявъ въ житейской суетѣ и житейскихъ треволненіяхъ вѣру въ міръ духовный, перестаетъ молиться, т. е. возноситься своимъ умомъ и сердцемъ въ духовный Божественный міръ. Теряетъ человѣкъ духовное зрѣніе и тогда, когда онъ уклоняется отъ свѣта евангельскаго ученія, отъ дѣйствія благодати Божіей въ таинствахъ Церкви, и вообще отъ руководства св. Православной Церкви—Матери нашей духовной.

Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, отверзый очи слѣпорожденному! Отверзи и наши мысленные очи, дабы мы могли всегда зрѣть Единаго Бога въ Тріехъ Лицѣхъ славимаго и покланяемаго,—дабы отъ насъ не закрылся міръ небесный—міръ св. ангеловъ, свв. угодниковъ Божіихъ—нашихъ молитвенниковъ и заступниковъ предъ Богомъ. Наше вѣчное житіе на набесахъ! Да не смѣжатся же наши духовные очи до той темноты, чтобы намъ не видѣть нашего небеснаго отечества. Будемъ взывать ко Господу молитвеннымъ воплемъ Іерихонскихъ слѣпцевъ: *Господи! да отверзутся очи наши!*.. (Матѳ. 20, 33). Аминь.

Св. Кіево-печерская Лавра.

Краса и честь родной Россіи,
Первопрестольный Кіевъ—градъ!
Теперь, какъ и во дни былые,
Ты милъ для всѣхъ россійскихъ чадъ.
Красуясь дивно надъ рѣкою,
Твой «Старый городъ» и «Подолъ»
Своею чудной красотою
Всѣ наши грады превзошелъ.

Но не одной красою тлѣнной
Ты на Руси сталъ въ первый рядъ,—
Печерской Лаврою священной
Ты славенъ, Кіевъ, древній градъ.

Она опора нашей вѣры,—
Надъ ней витаютъ чудеса:
Ея священныя пещеры
Твоя найлучшая краса.

Едва лишь только улыбнется
Весенній день,—со всѣхъ сторонъ
Толпа съ котомками плетется
Къ святынѣ Лаврской на поклонъ.

Какія дальныя дороги
Проходитъ набожный народъ,
Едва влачитъ босыя ноги
Отъ изнуренья и невзгодъ.

Идетъ онъ въ зной невыносимый,
И подъ дождемъ свершаетъ путь.
Глубокой вѣрою хранимый,
Идетъ къ святынѣ русскій людъ.

Какъ велика въ немъ вѣра къ Богу!
Любовью къ подвигу горя,
Проходитъ дальную дорогу
Съ запасомъ скуднымъ сухаря.

Трудовъ тяжелыхъ сбереженье,
Свои убогіе гроши,
Несетъ усердно на моленье,
На свѣчку къ Богу отъ души.

Полетомъ чистой голубицы
Дойдетъ та жертва къ небесамъ,
Какъ скудна лепта та вдовицы,
Какъ благовонный ѳиміамъ.

Ты образъ славнаго Аѳона,
Родная лаврская краса;

Твоя надвратная Икона
Творитъ по нынѣ чудеса.
Ея поклонниковъ мильоны
Ни кто не можетъ сосчитать;
Она смягчаетъ горя стоны,
Она низводитъ благодать.

Предъ ней недугъ неисцѣлимый
Не разъ чудесно исчезалъ;
Не разъ сомнѣньями томимый
Безбожникъ вѣру здѣсь черпалъ.
При сладкозвучномъ пѣснопѣньи,
При чудномъ муракѣ, лаврскій храмъ
Приводитъ душу въ умиленье
И мысль уноситъ къ небесамъ.

Какая радость не земная
Нисходитъ въ тотъ священный мигъ!
Чудится,—будто сладость рая
Ужъ ты таинственно постигъ...
Молились здѣсь еще въ тѣ поры,
Когда Россійская страна
Была за распри и раздоры
Страданіямъ обречена.

Въ ту злополучную годину
Ты ей какъ другъ вѣрна была,
И ты несла ея кручину,
И ты съ ней слезы пролила.
Не разъ одинъ тебя татары
Громили дерзостной рукой;
Не разъ громадные пожары
На вѣтръ пускали пепелъ твой.

Но ты напастей не боялась,
Тебя Мать Божья берегла,
Ты съ новой силой обновлялась,
Красою большею цвѣла.

Красуйся жъ славою священной,
Нашъ русскій Іерусалимъ
И пусть съ любовью неизмѣнной
Къ нему стремится пилигримъ.

Свящ. *Іаковъ Ганицкій.*

Начальное народное обученіе.

Нами уже твердо и обстоятельно высказано, что въ дѣлѣ начальнаго обученія надлежитъ особенно внимательно опредѣлить ту основу, на которой оно можетъ имѣть серіозный просвѣтительный характеръ. Основа эта можетъ быть только церковно-религіозная. По существу противъ этого не можетъ быть возраженій, и ихъ нѣтъ, по крайней мѣрѣ со стороны всѣхъ тѣхъ, кто заботится о просвѣщеніи, а не тѣхъ, кто мечтаетъ перевернуть Россію вверхъ дномъ. Но не съ этими послѣдними мы теперь и ведемъ бесѣду.

Впрочемъ, и въ массѣ русскихъ людей, думающихъ именно о просвѣщеніи народа, сознаніе необходимости церковно-религіозной основы въ начальномъ воспитаніи сдѣлало большіе успѣхи лишь за послѣднее десятилѣтіе. Это—прямая заслуга школы церковно-приходской, напомнившей обществу историческую идею русскаго начальнаго образованія. Извѣстно, какъ трудно было этой идеѣ пробить себѣ путь сквозь толстую кору нѣмецкой педагогіи, осложненной россійскимъ нигилизмомъ и фактически приведшей нашу начальную школу къ самой вредной безпринципности. Времена эти, слава Богу, постепенно все болѣе и болѣе отходятъ въ прошлое. Но окончательному торжеству пониманія исторической основы до сихъ поръ мѣшаетъ рядъ недоразумѣній, искусно раздуваемыхъ «заинтересованными» лицами. Принципіальные противники церковной идеи, въ родѣ «Вѣстника Европы», ехидно пускаютъ въ обращеніе мысль, что нынѣ нравственность дѣтей пытаются сдѣлать монополіей духовнаго вѣдомства, что нынѣ возникаетъ стремленіе «къ совершенному упраздненію свѣтской начальной школы» [1]). «Вѣстникъ Европы», ad majorem gloriam агитаціи, превра-

---

[1]) „Вѣст. Евр.“, ноябрь, стр. 377, Внутр. об.

щается на сей разъ даже въ защитника дворянства и тонко протестуетъ противъ недовѣрія къ его надзору за начальными школами [1]). Къ этимъ поджиганіямъ самолюбія въ дѣятеляхъ «свѣтской» школы присоединяется трескотня органовъ, въ родѣ «Нов. Времени»,—на тему, что «неправильно и неосновательно было бы ожидать, что церковно-приходская школа одна и собственными силами вполнѣ подготовитъ почву для введенія всеобщаго обученія» и т. д. Въ общей сложности, совершенно простой вопросъ запутывается всѣмъ этимъ до крайности.

Наиболѣе центральный пункъ недоразумѣній и наиболѣе удобный пріемъ для возбужденія взаимнаго недовѣрія среди дѣятелей народнаго просвѣщенія составляютъ толки о «монополіи» образованія и объ упраздненіи «свѣтской школы». Отвѣтимъ на это словами Всеподданнѣйшаго Отчета [2]) оберъ-прокурора Св. Синода: «Наше народное образованіе—это такое необъятно великое и столь мало еще воздѣланное поле труда, что для каждаго желающаго потрудиться на пользу просвѣщенія многомилліоннаго народа найдется полный просторъ и свобода».

Достаточно напомнить это заявленіе, чтобъ опровергнуть вздорные толки о «монополіи». Но за симъ просимъ всѣхъ благонамѣренныхъ друзей просвѣщенія подумать: развѣ этотъ просторъ и эта свобода могутъ означать отсутствіе всякой системы, или допускать отверженіе здравыхъ основъ просвѣщенія, или предоставлять дѣтей народа на произволъ пропаганды интеллигентныхъ сектантовъ, да и того еще хуже? Само собою нѣтъ. Само собою для всѣхъ—для государства, для Церкви, для учрежденій общественныхъ, для лицъ частныхъ—должны быть и есть въ школьномъ дѣлѣ одинаково обязательныя основы. Вопросъ не въ томъ, чтобъ устранить отъ народнаго просвѣщенія какую либо благонамѣренную силу, а лишь въ томъ, чтобы для всѣхъ выяснить и установить тѣ основы, уваженіе къ которымъ даетъ стройность дѣйствіямъ всѣхъ этихъ силъ.

---

[1]) Ibid., стр. 388.

[2]) Отчетъ 1891 г., стр. 443.

Что такое «свѣтская» школа, «упраздненіемъ» которой пугаетъ «Вѣстникъ Европы»? Если это должно означать школу «безрелигіозную»,—то такой школы у насъ, слава Богу, нѣтъ. О ней мечтаютъ кой-какія отдѣльныя лица, но ни земство, ни, тѣмъ болѣе, какія либо правительственныя вѣдомства не создавали и не желали у насъ безрелигіозной школы. Если же подъ «свѣтскою» школой разумѣть школу находящуюся въ завѣдываніи общественныхъ учрежденій и частныхъ лицъ, то ни у кого и никогда не было мысли объ ея уничтоженіи. Желанія людей русскаго направленія состоятъ лишь въ томъ, чтобы во всѣхъ начальныхъ школахъ была достодолжно обезпечена церковно-религіозная основа. Это не «уничтоженіе», а только поддержаніе правильности устройства.

По истинѣ прискорбно систематическое затемненіе вопроса столь простаго и яснаго. Недавно мы знакомили читателей съ циркулирующею въ компетентныхъ кругахъ «Запиской» по вопросу о пересмотрѣ Положенія о начальныхъ школахъ.

По поводу этой записки «Вѣст. Евр.» и плачетъ о якобы «уничтоженіи свѣтской школы»...

Не мудрено, что упомянутая записка встрѣтила такое неудовольствіе въ «Вѣстникѣ Европы». Она, дѣйствительно, указываетъ исходъ для дружнаго и объединеннаго дѣйствія въ школьномъ дѣлѣ всѣхъ силъ государства. Нужно не униженіе школъ земскихъ или частныхъ, не повсемѣстная замѣна ихъ школами церковно-приходскими, а законодательное обезпеченіе участія Церкви въ охранѣ церковно-религіознаго воспитанія. Первымъ шагомъ въ этомъ дѣлѣ долженъ бы быть пересмотръ Положенія. Необходимо такое измѣненіе закона, при которомъ надзоръ священника за церковно-религіозною стороной воспитанія составлялъ бы его обязанность, какъ настоятеля прихода, въ коемъ помѣщается данная школа. За должное исполненіе этой обязанности настоятель прихода долженъ отвѣчать предъ архіереемъ такъ же, какъ и въ отношеніи другихъ своихъ обязанностей по приходу. Въ свою очередь, епархіальный архіерей долженъ отвѣчать предъ Св. Синодомъ за достодолжное состояніе церковно-религіознаго воспитанія въ начальныхъ школахъ его епархіи,—безразлично, будутъ ли эти

школы духовнаго, или какого иного вѣдомства. Програмы начальныхъ школъ, въ отношеніи того, что необходимо для поддержанія церковно-религіознаго воспитанія, должны быть сближены между собою. Вотъ настоящій путь дѣйствій. Онъ ничего и никого не устраняетъ. Менѣе всего возможно говорить объ устраненіи государства, которое въ самомъ Св. Синодѣ имѣетъ своего постояннаго представителя и контролера, въ лицѣ оберъ-прокурора. Мы не латины. Никакого «клерикализма» у насъ, ни по идеѣ Православной Церкви, ни по фактическому взаимному отношенію государства и Церкви, нѣтъ и быть не можетъ. Школьное дѣло, въ видѣ ли школъ, содержимыхъ приходскимъ духовенствомъ, въ видѣ ли школъ другихъ вѣдомствъ, или частныхъ, одинаково должно подлежать контролю правительства. Но въ отношеніи церковно-религіозной стороны воспитанія, правительство ни на кого не можетъ положиться лучше, какъ на Церковь, отъ которой, впрочемъ, и само никогда не отдѣляется. Такая постановка дѣла обезпечиваетъ всѣ интересы и даетъ начальной школѣ основной типъ, при охраненіи коего нѣкоторая разница въ программахъ, не затрогивающая основаній, можетъ быть безъ вреда допустима, какъ она допускается во многихъ частныхъ школахъ, пользующихся правами правительственныхъ гимназій. Неумѣлая постановка религіознаго воспитанія, а тѣмъ болѣе пропаганда интеллигентнаго сектантства, или болѣе рѣзкія вторженія въ школу вредныхъ элементовъ, были бы, конечно, пресѣчены въ корнѣ. Но никакое полезное проявленіе общественной или частной инициативы при этомъ не уничтожается. Ни одному благонамѣренному школьному дѣятелю, земскому или частному, тутъ не на что жаловаться, а вредное соперничество различныхъ вѣдомствъ исчезло бы подъ дѣйствіемъ яснаго, объединяющаго всѣхъ, закона.

Широта развитія школьнаго дѣла, подготовка ко введенію всеобщаго обученія ни мало при этомъ не стѣсняется.

Принадлежность школы земству или приходу, при надлежащей постановкѣ церковнаго участія въ школѣ, становится дѣломъ безразличнымъ. Никому и ничему не мѣшаетъ, если однѣ школы прихода находятся въ завѣдываніи самого прихода, другія—въ завѣдываніи земства. Уже и нынѣ множество церковно-приходскихъ

школъ субсидируются земствомъ, точно также, какъ есть случаи, когда частныя школы субсидируются духовнымъ вѣдомствомъ. Вотъ въ чемъ весь узелъ вопроса. Объединеніе основнаго типа начальной школы, посредствомъ одинаковой постановки всѣхъ ихъ на одной и той же почвѣ церковно-религіознаго воспитанія, разрѣшаетъ всѣ противорѣчія, устраняетъ всѣ столкновенія и создаетъ почву для подготовки всеобщаго обученія грамотѣ. Въ эту сторону и должны направиться усилія истинныхъ друзей просвѣщенія народной массы. («Моск. Вѣд.»).

Къ вопросу объ улучшеніи благосостоянія сельскаго духовенства.

Хотя бюджетъ сельскаго духовенства вообще не великъ и далеко не вездѣ одинаковъ, однако съ увѣренностью можно сказать, что главнымъ фундаментомъ обезпеченія и выдающимся источникомъ доходовъ служитъ такъ называемая церковная или причтовая земля. Есть, впрочемъ, незначительное количество приходовъ, гдѣ церковная земля не приноситъ почти никакого дохода: бѣдность почвы и недостатокъ въ ней всѣхъ вообще условій, способствующихъ надлежащему развитію культурныхъ растеній, имѣютъ рѣшительное вліяніе на благосостояніе сельскихъ причтовъ въ отрицательномъ смыслѣ.

Въ настоящее время сельскій священникъ долженъ не особенно полагаться на доходность отъ требоисправленія: добровольныя обильныя приношенія прихожанъ въ пользу причта отошли уже въ область преданія даже и тамъ, гдѣ въ былыя времена народъ отличался особымъ усердіемъ оказывать матеріальную помощь причту деньгами, зерномъ и рабочими руками. Съ развитіемъ промышленности въ средѣ простого народа, потребности ходить на фабрики и заводы для заработковъ, наконецъ непомѣрнаго дробленія крестьянскихъ надѣловъ на самые незначительные участки, выработался у крестьянъ особый, небывалый до семидесятыхъ

годовъ, взглядъ на труды священника по исполненію той или другой требы. Внутренняя оцѣнка крестьянами трудовъ сельскаго причта ясно обнаруживается изъ тѣхъ размѣровъ благодарности, которыми оплачивается извѣстный трудъ священника. Достаточно для характеристики сказать, что есть много приходовъ, съ населеніемъ въ три тысячи душъ, гдѣ священнику приходится много трудиться и въ концѣ года вывести въ итогѣ не болѣе 350 руб.

Само собою понятно, что изысканіе средствъ къ жизни для многихъ и очень многихъ священниковъ и псаломщиковъ становится такимъ вопросомъ, утвердительное рѣшеніе котораго, въ смыслѣ указанія новыхъ матеріальныхъ источниковъ, особенно желательно. Гдѣ же духовенству искать новыхъ средствъ къ жизни? Доходы по требоисправленію съ каждымъ годомъ уменьшаются. Полагать же, что жалованье отъ казны увеличится въ два или три раза, значило бы—сознавать свое положеніе безвыходнымъ и жить надеждами на будущее.

Почему же въ такомъ случаѣ духовенству не обратить своего вниманія на церковную землю—эту неотъемлемую статью дохода? Почему пользованіе этой землей не видоизмѣнить до извѣстной степени въ такую сторону, которая могла бы дать духовенству больше средствъ къ жизни, чѣмъ сколько оно имѣетъ теперь? Рѣшеніе этихъ вопросовъ, касающихся пользованія церковной землей и служитъ предметомъ настоящей статьи.

Извѣстно, что церковная пахатная земля всегда и вездѣ, за очень немногими исключеніями, состоитъ изъ трехъ участковъ или смѣнъ: озимыхъ хлѣбовъ, яровыхъ и толоки, или такъ называемаго пара. Здѣсь необходимо остановиться, чтобы сравнить каждую смѣну въ отношеніи даваемаго ею дохода съ другими смѣнами или участками. Паръ, оставаясь круглый годъ въ покоѣ, не приноситъ, конечно, причтамъ никакого дохода. Яровые хлѣба, какъ то: овесъ, просо и гречиха—въ большинствѣ случаевъ идутъ на прокормленіе скота, лошадей и домашней прислуги. Остаются одни лишь озимые хлѣба, которые, смотря по ихъ качеству и количеству, даютъ причтамъ, несомнѣнно, такой или другой доходъ.

Такой порядокъ обсѣмененія полей освященъ вѣками. Всякій членъ сельскаго причта придерживается этого порядка, не смотря

на то, что видитъ вокругъ себя примѣры и блистательные опыты новаго своеобразнаго способа веденія хозяйства. Разумное, интенсивное хозяйство давно уже завелось въ Россіи благодаря научнымъ познаніямъ, опыту и энергіи лучшихъ агрономовъ. Такое хозяйство, увеличивая доходность земли, сразу завоевало себѣ симпатіи помѣщиковъ и тѣхъ мелкихъ землевладѣльцевъ, которые смотрятъ на свою землю, какъ на источникъ средствъ къ жизни. Почему же сельское духовенство стоитъ въ этомъ отношеніи на одномъ уровнѣ съ крестьянами? Зачѣмъ третья часть всѣхъ церковныхъ земель, отходящая подъ такъ называемую толоку, пропадаетъ ежегодно, не принося причтамъ никакой пользы? Вѣдь церковныя и монастырскія земли причислены закономъ къ категоріи земель государственныхъ учрежденій, а это условіе развѣ не даетъ права сельскимъ причтамъ пользоваться своею землею вполнѣ свободно и не придерживаться того рутиннаго способа въ веденіи хозяйства, какое практикуется и до нынѣ въ средѣ крестьянъ?

Что толока совершенно излишняя и даже безполезная, въ этомъ легко убѣждаютъ насъ не только данныя опыта, но и слѣдующія, ясныя до очевидности, положенія: 1) поле, остающееся лѣтомъ голымъ, т. е., не отѣненнымъ никакимъ растеніемъ, значительно теряетъ свое плодородіе, такъ какъ поверхность поля затвердѣваетъ, а вслѣдствіе этого оно надлежащимъ образомъ не можетъ нагрѣваться и поглощать воздухъ и водяные пары. Являющійся отсюда вопросъ — не ослабляется ли отъ этого химическая дѣятельность земли, рѣшается самъ собою далеко не въ пользу толоки. 2) На церковныхъ земляхъ изъ года въ годъ практикуется воздѣлываніе однихъ и тѣхъ же зерновыхъ хлѣбовъ; это приводитъ почву въ слишкомъ мелкое, пылеобразное состояніе, которое еще болѣе вредно, чѣмъ вышеупомянутое затверденіе почвы. Наконецъ 3), не слѣдуетъ забывать еще и того, что при постоянномъ воздѣлываніи однихъ и тѣхъ же растеній, требуются отъ почвы всегда одни и тѣ же питательныя вещества. Но какъ же не изсякнуть этимъ растворимымъ минеральнымъ веществамъ на почвѣ церковныхъ земель, когда недостатокъ ихъ особенно

скоро проявляется при трехпольномъ хозяйствѣ, обусловливающемъ неизбѣжность толоки?

Цѣль толоки для крестьянъ заключается въ томъ, чтобы не содержать скота круглый годъ въ стойлахъ, а пользоваться толокой, какъ выгономъ и пастбищемъ. Неужели и намъ, сельскимъ причтамъ, всегда имѣющимъ возможность пріобрѣсти выпасъ для своего скота у помѣщиковъ и арендаторовъ, слѣдуетъ подражать примѣру крестьянамъ и оставлять третью часть всей своей земли на круглый годъ въ покоѣ? Мы должны оставлять почву въ покоѣ совершенно для другихъ цѣлей; для насъ должны быть важными не выгонъ и выпасъ, а совершенное разрыхленіе и нагрѣваніе почвы, перегниваніе ея органическихъ составныхъ частей, вывѣтриваніе минеральныхъ веществъ и вообще улучшеніе ея физическихъ свойствъ, а также уничтоженіе сорныхъ травъ. Но будетъ ли все это достигнуто, если почва, оставленная въ покоѣ на цѣлый годъ, не отѣняется никакими растеніями? Только отѣненіемъ почвы на извѣстное время растительнымъ покровомъ и настоящею паровой обработкой можетъ быть вполнѣ достигнута цѣль оставленія почвы въ покоѣ послѣ двухлѣтняго сряду посѣва зерновыхъ хлѣбовъ. Въ отѣненной почвѣ механическія и химическія дѣйствія естественныхъ дѣятелей происходятъ гораздо сильнѣе, чѣмъ на голой почвѣ, поэтому вывѣтриваніе минераловъ и гніеніе органическихъ веществъ совершается гораздо быстрѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разрыхленіе почвы значительно усиливается. На хорошо отѣненныхъ почвахъ можно съ легкостью воткнуть палку до глубины 4 вершковъ и болѣе и этимъ убѣдиться въ ея превосходной рыхлости. Всегда на поверхности отѣненной почвы роса удерживается долѣе; почва тамъ менѣе высушивается солнечными лучами и вѣтромъ. Словомъ, голая почва никогда не можетъ быть доведена до такой степени спѣлости, какъ покрытая широколиственными растеніями.

Все вышеизложенное должно быть признано справедливымъ основаніемъ для убѣжденія, что практикуемый до настоящаго времени сельскими причтами способъ веденія хозяйства противоестественъ, мало доходенъ и потому долженъ быть совершенно оставленъ. Кто захочетъ увеличить плодородіе своихъ полей и вмѣстѣ

съ тѣмъ воспользоваться толокою или паромъ, какъ статьею дохода, получаемаго отъ хозяйства, тотъ не долженъ ограничиться воздѣлываніемъ однихъ лишь зерновыхъ хлѣбовъ, но долженъ принять и завести на своихъ участкахъ ту или другую плодосмѣнную систему. Подъ послѣдней, въ тѣсномъ смыслѣ, слѣдуетъ разумѣть такой сѣвооборотъ, въ которомъ обыкновенно никогда не слѣдуютъ другъ за другомъ зерновые хлѣба, но всегда между ними, какъ промежуточныя растенія, воздѣлываются корнеплоды или кормовыя травы, а также масляничныя растенія. Такимъ сѣвооборотомъ уменьшится пространство земли, оставляемой подъ паромъ, усилится производительность почвы и наконецъ, самое главное, почти удвоится сумма дохода, получаемаго отъ хозяйства на церковныхъ земляхъ.

Священникъ *М. С.*

Пчеловодство, какъ отрасль сельскаго хозяйства для сельскаго священника.

„Иди ко пчелѣ, и увѣждь—коль дѣлательница есть, дѣланіе же коль честное творитъ! Ея же трудовъ царіе и простіи во здравіе употребляютъ; любима же есть всѣми, аще силою и немощна сущи, но премудростію превознесена“.

Пчеловодство среди духовенства кіевской епархіи развито въ настоящее время чрезвычайно слабо. Старики пчеловоды изъ iереевъ время отъ времени отходятъ къ праотцамъ, а молодое поколѣніе іереевъ почему то весьма не охотно принимается за это благородное и независимое занятіе. Теперь число пчеловодовъ-іереевъ можно опредѣлить приблизительно около 10 проц. всего состава духовенства кіевской епархіи, а число церковныхъ пасѣкъ, пожалуй, и того меньше, не говоря уже о томъ, что эти пасѣки влачатъ самое жалкое существованіе, вслѣдствіе отсутствія за ними надлежащаго ухода. Такое явленіе далеко нельзя признать нор-

мальнымъ, потому что въ настоящія тяжелыя хозяйственныя времена для сельскаго іерея пчеловодство единственная удобная и выгодная статья сельскаго хозяйства и не только найболѣе выгодная, но главное, совершенно независимая. Вѣдь, сколько непріятностей выпадаетъ въ настоящее время на долю сельскаго хозяина, когда въ горячее рабочее время цѣны на рабочихъ поднимаются до maximum'а, убыточнаго для интересовъ сельскаго хозяина, причемъ еще, и при этомъ условіи, рабочіе исполняютъ свою работу спѣшно, недобросовѣстно... А въ пчеловодномъ хозяйствѣ человѣкъ въ этомъ отношеніи независимъ; ему достаточно одного мальчика, чтобы управиться съ работой, которая можетъ дать нѣсколько сотъ рублей чистой пользы. Что мѣшаетъ нашему духовенству не только самолично обзавестись пчеловоднымъ хозяйствомъ, но устроить и руководить пасѣки церковныя? Такъ какъ кіевская губернія въ общемъ вполнѣ подходитъ къ мѣстностямъ, благопріятнымъ пчеловодству, то съ этой стороны серьезныхъ возраженій какихъ либо быть не можетъ, или они окажутся не состоятельными. Остается разсмотрѣть тѣ шаткія основанія, которыя приводятся въ свое оправданіе лицами, боящимися пчеловодства.

Одни боятся пчелъ прежде всего и болѣе всего потому, что онѣ кусаются. Но развѣ это ничтожное обстоятельство серьезный мужчина можетъ представлять, какъ нѣчто особенное, пугающее? Развѣ было бы такъ много пчеловодовъ среди, не только лицъ, вообще, интеллигентныхъ, но и высокопоставленныхъ въ служебной іерархіи, и даже среди женщинъ, если бы пчелиныя жала дѣйствительно были столь страшными, какими они для многихъ трусовъ представляются? Правда, пчелиное жало нѣсколько непріятно, особенно при первыхъ случаяхъ укушеній, но вѣдь это минутныя непріятности, а затѣмъ организмъ мало по малу привыкаетъ и впослѣдствіи не только боль отъ укушеній становится малозамѣтною, но и тѣло не даетъ уже опухоли послѣ того, какъ оно нѣсколько привыкло къ укушеніямъ; многія же организмы не даютъ опухоли даже и на первыхъ порахъ. Но если пчеловодство представляется для многихъ непривлекательнымъ вслѣдствіе пчелиныхъ укушеній, которыя доставляютъ минутную лишь непріятность, вслѣдствіе нѣкоторой незначительной и скоро проходящей

физической боли, то какъ такія лица предпочитаютъ полевое хозяйство, представляющее въ настоящее время не только больше риска и меньше дохода, но и гораздо болѣе непріятностей и главнымъ образомъ непріятностей нравственнаго свойства, иногда весьма мучительныхъ, вслѣдствіе всевозможныхъ столкновеній съ рабочими, въ большинствѣ потерявшими не только стыдъ отъ людей, но и страхъ отъ Бога? Напротивъ, пчелиныхъ жалъ гораздо легче избѣжать и перенести ихъ непріятность, чѣмъ непріятности, представляемыя полевымъ хозяйствомъ, не говоря уже о несомнѣнно болѣе вѣрной доходности пчеловодства, сравнительно съ полевымъ хозяйствомъ. Когда мы начинали заниматься пчеловодствомъ, то также порядочно боялись пчелинаго жала и всегда вспоминали о немъ, какъ о чемъ-то ужасномъ,—не имѣли также какого либо особаго призванія или предварительной подготовки къ этой отрасли хозяйства; тѣмъ не менѣе не только весьма скоро перестали бояться пчелинаго жала, но и всей душой полюбили пчеловодство, какъ одно изъ благороднѣйшихъ, здоровыхъ, независимыхъ и прибыльныхъ хозяйствъ. Наконецъ, отъ пчелинаго жала, легко можно предохранить себя: напр. голову посредствомъ сѣтки, а укушенія на рукахъ не только бываютъ очень рѣдки, но и право не стоятъ они того, чтобы о нихъ толковать, хотя и руки также можно предохранить перчатками особаго сорта.

Другіе, не испытавъ на практикѣ своей мѣстности въ отношеніи пригодности ея для пчеловодства, считаютъ почему то свою мѣстность неблагопріятною для этого хозяйства и на этомъ основаніи разъ на всегда рѣшили не заниматься пчеловодствомъ. Между тѣмъ мѣстность по наружному виду можетъ быть весьма обманчива. И мы полагали въ началѣ, что изъ нашей пчеловодной затѣи ничего не выйдетъ, такъ какъ считали свою мѣстность совершенно неблагопріятною для пчеловодства. Въ самомъ дѣлѣ: лѣсъ въ разстояніи 5—6 верстъ, кругомъ, лѣтомъ куда ни глянь—буряки, буряки и буряки (по близости сахарнаго завода), гречихи ближайшія экономіи никогда не сѣютъ, а рѣпакъ сѣется отдаленными экономіями въ разстояніи 6—8 верстъ; большихъ садовъ нѣтъ, немного лишь луговъ да крестьянская гречиха въ самомъ

умѣренномъ количествѣ—вотъ и все; а между тѣмъ медоваго взятка ежегодно бываетъ совершенно достаточно, даже съ избыткомъ, и не только для моей сотни ульевъ и крестьянскихъ пасѣкъ свыше 100 ульевъ, но кажется если бы это количество не только удвоить, но и утроить, то и для всѣхъ ихъ стало бы что собрать. Стало быть и въ этомъ отношеніи многіе ошибаются, считая свою мѣстность немедовою, а необходимо нужно прежде испробовать, на личномъ опытѣ испытать,—и очень можетъ быть, что та же мѣстность, которая считается неблагопріятною для пчеловодства, вовсе таковою не окажется, а наоборотъ—дастъ возможность повести пчеловодство даже на широкихъ началахъ.

Нѣкоторые, далѣе, выставляютъ на видъ то обстоятельство, что для обзаведенія пчеловоднымъ хозяйствомъ необходимъ порядочный оборотный капиталъ—въ нѣсколько сотенъ рублей. Да, дѣйствительно, для веденія пчеловодства на широкихъ началахъ необходимъ нѣкоторый капиталъ (но не сразу, а въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ), какъ необходимъ онъ и для всякаго полеваго хозяйства; однако же всѣ тѣ, которые боятся затраты нѣкотораго капитала на пчеловодство, тѣмъ не менѣе занимаются полевымъ хозяйствомъ и затрачиваютъ на него часто съ большимъ рискомъ капиталъ въ нѣсколько сотъ рублей, хотя это хозяйство, особенно въ нынѣшнія тяжелыя для сельскихъ хозяевъ времена, далеко не даетъ тѣхъ барышей, которыхъ отъ него ожидаютъ.

Если же люди находятъ сотню-другую для такого рискованнаго хозяйства, почему же не найти ихъ и для пчеловодства? Въ этомъ отношеніи человѣка скорѣе пугаетъ полное его незнакомство съ пчеловоднымъ хозяйствомъ, чѣмъ недостатокъ наличныхъ средствъ, необходимыхъ для этого хозяйства. Съ полевымъ хозяйствомъ всякій изъ насъ изъ дѣтства еще болѣе или менѣе знакомъ, наконецъ всегда видитъ его предъ собою на каждомъ шагу, хотя бы то и не въ совершенной формѣ, тѣмъ не менѣе онъ считаетъ себя нѣсколько ознакомленнымъ съ этимъ дѣломъ и всегда можетъ расчитывать найти свѣдущаго въ этомъ хозяйствѣ человѣка въ лицѣ любаго мужичка, почему и не особенно опасается затрачивать на это хозяйство капиталъ въ нѣсколько сотъ рублей. Въ

пчеловодствѣ же не только рѣдкій изъ состава духовенства сколько нибудь свѣдущъ, но и найти человѣка среди крестьянъ, которому можно бы было поручить веденіе этой отрасли хозяйства, почти не возможно. Но за то для ознакомленія съ пчеловодствомъ, совершенно достаточно прочитать со вниманіемъ нѣсколько популярныхъ книжекъ по пчеловодству, да заняться на первыхъ порахъ практически отъ нечего дѣлать этимъ дѣломъ съ 1—2 ульями, хотя бы то и дуплянками. Еще лучше; если по сосѣдству имѣется хорошій практикъ—пчеловодъ и можно воспользоваться его практическими совѣтами, тогда всякій убѣдится скоро, что занятіе пчеловодствомъ далеко не такъ страшно и опасно, какимъ оно представляется для несвѣдущихъ въ немъ и неопытныхъ. Нужно замѣтить еще, что для обзаведенія пчеловоднымъ хозяйствомъ и вовсе можно обойтись безъ тѣхъ сотенъ рублей предварительной затраты капитала, какая всегда необходима для полеваго хозяйства. Достаточно совершенно одинъ десятокъ рублей, которые несомнѣнно уже найдутся у всякого, для того чтобы начать занятіе пчеловодствомъ. Правда, что при этомъ условіи, если этого капитала ежегодно не увеличивать, пчеловодство пойдетъ медленно, такъ сказать черепашьимъ шагомъ, потому что прійдется жертвовать ежегодно нѣкоторыми лучшими пчелиными семействами для обзаведенія новыми ульями, чего мы никому не совѣтывали бы, такъ какъ это совершенно похоже было бы на то, какъ если бы человѣкъ въ дорогѣ дѣлалъ шаги такъ: два впередъ—шагъ назадъ, три впередъ—два назадъ и т. д. Начинать занятіе пчеловодствомъ всегда слѣдуетъ, конечно, съ самаго малаго числа ульевъ—2—3 не болѣе, но затѣмъ, предоставивъ ихъ естественному размноженію, не уничтожать лучшихъ семействъ ежегодно для изысканія средствъ на покупку новыхъ ульевъ, а изыскивать для того средства изъ другихъ источниковъ,—при этомъ условіи, пасѣка быстро увеличивается и въ 5—6 лѣтъ можетъ возрасти до 100 и болѣе ульевъ. Мы начали заниматься пчеловодствомъ около 10 л. тому назадъ изъ 1 улья, случайно намъ доставшагося, при чемъ, дѣлая ежегодно небольшія затраты на обзаведеніе новыми ульями, мы въ то же время получали на затраченный капиталъ и совершенно достаточный процентъ отъ своего скромнаго пчеловодства и уже

на 8-мъ году имѣли 100 пчелиныхъ семействъ, въ томъ числѣ 50 рамочныхъ. Нужно замѣтить, что въ теченіе этихъ 8 лѣтъ мы имѣли два неблагопріятныхъ года, въ томъ числѣ одинъ весьма неблагопріятный, когда пасѣка наша не только не увеличилась, но еще уменьшилась на нѣсколько ульевъ. Не увеличивая въ будущемъ количества семействъ, можно уже получать отъ 100 ульевъ 200 и болѣе руб. чистой прибыли. И это при затратахъ разновременно всего около 300 руб. и за какіе нибудь 2—3 мѣсяца работы, при чистой и здоровой обстановкѣ, и притомъ безъ особаго риска. При уборкѣ роевъ и вообще при работахъ на пасѣкѣ въ маѣ—іюлѣ мѣс. мы пользуемся помощью одного лишь мальчика, помощь котораго обходится намъ около 15 рублей за все лѣто.

Такимъ образомъ, опираясь какъ на собственную практику, такъ и на авторитетъ такихъ извѣстныхъ мѣстныхъ практиковъ-пчеловодовъ, какъ покойный протоіерей о. Наумовичъ и нынѣ здравствующій редакторъ-издатель Кіевскаго народнаго календаря А. Андріяшевъ, мы принимаемъ на себя смѣлость горячо рекомендовать всякому собрату обзавестись для практики 1—2 ульями и при этомъ внимательно почитать статьи вышеупомянутыхъ пчеловодовъ: Андріяшева—его календарь или книжку его «руководство къ разумному пчеловодству», и статьи по пчеловодству прот. Наумовича—въ его календаряхъ за 1891—92 годы (если не ошибаемся) и книгъ по хозяйству, изданныхъ редакціей «Церковныхъ Вѣдомостей» и при нихъ за тѣ же годы разосланныхъ. И мы вполнѣ увѣрены, что многіе, начавъ дѣло пчеловодства нехотя, такъ сказать, со страхомъ и трепетомъ, съ 1—2 ульевъ, современемъ совершенно привыкнутъ къ этому занятію, горячо полюбятъ его и, увеличивъ свою пасѣку до 100—200 ульевъ, будутъ получать до 300—500 р. въ годъ прибыли отъ своего пчеловодства, а такая прибыль, при нашемъ вообще скромномъ бюджетѣ, а часто и неблагопріятныхъ финансовыхъ обстоятельствъ, значитъ уже весьма много. А разъ священникъ займется лично пчеловодствомъ, то онъ можетъ завести или поруководить уже готовой и пасѣкой церковной; а при разумномъ руководствѣ небольшая церковная пасѣка дастъ значительно большій доходъ, чѣмъ она давала рань-

ше.—Сочтемъ себя удовлетворенными, если намъ удастся нашимъ слабымъ словомъ убѣдить хотя бы одного собрата заняться пчеловодствомъ. Священникъ *Іеронимъ Ясинскій.*

Библіографическая замѣтка.

Побѣда, побѣдившая міръ. Изданіе *К. П. Побѣдоносцева*, четвертое. М. 1895.

Эта книжка заимствована досточтимымъ издателемъ изъ сочиненій англійскаго писателя Лимси и имѣетъ своею задачею рѣшить вопросы, весьма важные въ исторіи христіанства, а именно: какимъ образомъ вѣра Христова произвела рѣшительный переворотъ въ умахъ и сердцахъ людей,—въ чемъ состоятъ главныя черты этого переворота,—какое внутреннее его значеніе въ направленіи человѣческой мысли и въ опредѣленіи судебъ человѣчества.

Для разъясненія подобныхъ вопросовъ, авторъ излагаетъ основныя черты ученія, принесеннаго Іисусомъ Христомъ, и показываетъ превосходство его предъ ученіемъ древнихъ языческихъ мудрецовъ и моралистовъ. Особенность ученія Спасителя состояла въ сообщеніи людямъ возвышеннаго понятія о Богѣ Отцѣ, Его отношеніи къ міру,—о Себѣ-Самомъ, какъ Божественномъ Посланникѣ, о призваніи человѣка къ нравственному усовершенствованію и достиженію царства небеснаго. Но не одно только ученіе Іисуса Христа,—хотя оно было въ высшей степени свѣтлое и сладостное,—произвело всемірный переворотъ въ родѣ человѣческомъ. «Самъ Іисусъ Христосъ, говоритъ авторъ, Лицемъ Своимъ, вмѣстѣ и человѣческимъ и Божественнымъ, будучи вознесенъ на крестъ, поразилъ своимъ нравственнымъ величіемъ и правовѣрнаго фарисея и садукея—матеріалиста падшей Іудеи, и агностика философа порабощенной Греціи, и величественнаго сановника и грубаго воина Римской имперіи. Глава Его увѣнчана терніемъ, очи отуманены слезами, лице Его унижено паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ, члены разбиты и разсѣчены; но въ Немъ дѣвы познали краснаго свыше всякой красоты, единаго возлюбленнаго превыше всѣхъ, и Его одного хотятъ имѣть женихомъ для вѣчности; же-

ны, коихъ вся жизнь прошла въ сквернѣ разврата,—только взглянули на Него, въ Его несказанной скорби, какъ исчезла въ нихъ всякая страсть похоти, уступивъ мѣсто искреннему желанію измѣнить свою прежнюю жизнь. Старцевъ и малыхъ дѣтей видъ Его вдохновлялъ любовію—крѣпче смерти». Этимъ объясняется у автора то явленіе, что христіане переносили мученія за новую Вѣру съ замѣчательнымъ мужествомъ, самопожертвованіемъ и нелицемѣрною любовію. Первенствующая Церковь Христова созидалась и укрѣплялась на основаніи ученія Христова. Задачи первыхъ учителей и основателей Христовой Церкви состояла въ привитіи и усвоеніи обществу новыхъ началъ, возвѣщенныхъ Основателемъ Христіанской религіи. Какимъ образомъ происходилъ переворотъ въ душахъ отдѣльныхъ личностей и всего общества отъ усвоенія новаго ученія,—это самымъ очевиднымъ образомъ авторъ показываетъ на примѣрѣ бл. Августина. Съ этою цѣлію представлены выдающіяся черты изъ жизни этого замѣчательнаго мужа и изъ его творенія— «Исповѣди». Съ этою же, очевидно, цѣлію присоединенъ въ концѣ книги русскій переводъ (съ латинскаго) IX книги того же творенія бл. Августина.

Изданная К. П. Побѣдоносцевымъ книга, въ краткихъ и выразительныхъ чертахъ, передаетъ выдающіеся факты изъ исторіи христіанской церкви и изъ жизни бл. Августина; изложенная изящнымъ литературнымъ языкомъ, она прочтется съ глубокимъ интересомъ всякимъ образованнымъ христіаниномъ. Цѣна книги (30 коп.), изданной весьма изящно, вполнѣ доступна. *I. К—въ.*

Праздники Господни. 2-е изданіе, съ дополненіями. Спб. 1894 г.

Настоящая книга, изданная оберъ-прокуроромъ Св. Синода, К. П. Побѣдоносцевымъ, представляетъ рядъ благочестивыхъ и высоконазидательныхъ размышленій, писанныхъ въ разное время (въ годы 1856—1864), по поводу разныхъ церковныхъ празднествъ. Глубоко проникнутый истиннымъ религіознымъ чувствомъ, авторъ показываетъ значеніе праздниковъ въ жизни русскаго народа, частнѣе—праздниковъ Рождества Іисуса Христа, Богоявленія, Срѣтенія Господня, Входа Господа въ Іерусалимъ, Великой (страстной) субботы, Воскресенія и Вознесенія Спасителя, Введенія во храмъ

Пресв. Богородицы. Въ отдѣльныхъ, кромѣ того, главахъ авторъ говоритъ о значеніи для христіанина церковныхъ молитвъ и пѣснопѣній, о религіозномъ настроеніи при входѣ во храмъ Божій, о крещеніи Іоанновомъ, о явленіи въ міръ Іисуса Христа, о мысляхъ и чувствованіяхъ христіанина при наступленіи новаго года. О всѣхъ этихъ предметахъ, имѣющихъ важное значеніе въ жизни православнаго (частнѣе русскаго) христіанина, авторъ говоритъ съ рѣдкимъ одушевленіемъ и высокою религіозною настроенностію. Для примѣра мы приведемъ нѣсколько извлеченій изъ многосодержательной книги автора. Разсуждая о значеніи для насъ праздниковъ, авторъ говоритъ: «русскій человѣкъ всю свою жизнь, все свое рабочее время привыкъ размѣрять по праздникамъ церковнымъ. Русская душа отдыхаетъ и радуется въ церковный праздникъ... А церковь наша своимъ богослуженіемъ такъ торжественно обставила не только великіе праздники, но и таинственное ожиданіе ихъ для вѣрующихъ, что праздникъ самъ собою постепенно вступаетъ въ душу, озаряя ее тихимъ свѣтомъ благодати. Весь годъ свѣтится этотъ свѣтъ тому, кто привыкъ ощущать его... Многимъ людямъ, принадлежащимъ къ церкви, но не имѣющимъ живой связи съ нею и съ ея богослуженіемъ, странно и непонятно кажется—радостное ожиданіе Великаго поста. Но церковный человѣкъ стремится къ нему, какъ къ источнику живой воды въ пустынѣ, и жаждетъ ощутить въ немъ тишину среди житейскаго шума... Съ ранняго утра въ чистый понедѣльникъ уже ощущается тихое вѣяніе Великаго поста... Войдешь въ любую церковь—она наполнена, и въ какой тишинѣ стоятъ всюду первые говѣльщики! Начинается что то торжественное всюду,—и православный человѣкъ ждетъ, когда за вечерней потекутъ умилительныя пѣсни Великаго канона, и послышатся давно неслышанные, тихіе, величественные напѣвы ирмосовъ: *Помощникъ* и *Покровитель...*». Съ особою торжественностію русскій человѣкъ съ дѣтства привыкъ проводить свои праздники, особенно такіе, какъ Рождество Христово, Пасха Господня. Вотъ какъ описываетъ авторъ раннюю обѣдню на Рождество Іисуса Христа. «Пришелъ часъ и что то будитъ, точно шепчетъ въ ухо: пора. Темно и тихо на улицѣ—рано, «прежде денницы». Снѣгъ хруститъ подъ ногами; весело и бодро

пробираешься къ церкви... Входишь—церковь полна, и яркій свѣтъ льется во тьму изъ оконъ. Входятъ, крестятся, и вскорѣ, точно колосья въ снопѣ, сплотилась въ одно вся толпа народная. Рано поднялись они, и сколько въ числѣ ихъ такихъ, кому этотъ только ранній часъ можно урвать изъ своей непрерывной рабочей жизни—ради праздника Господня! Многіе собрались изъ темныхъ угловъ и тѣсныхъ жилищъ своихъ, отъ нужды и горькаго горя, отъ несносной работы. И вотъ, въ этомъ домѣ Господнемъ каждый чувствуетъ себя дома, на вольномъ мѣстѣ: въ этотъ ранній часъ всѣ властители первыхъ мѣстъ еще покоятся на ложахъ своихъ, уступая вольное мѣсто рабочему человѣку. Стоятъ они сплошною стѣною отъ входной двери до солеи, до самыхъ мѣстныхъ иконъ, стоятъ и крестятся, и молятся. Сборный хоръ на клиросахъ, изъ той же среды собранный, поетъ широкою праздничною пѣснью. Торжественные антифоны между ектеніями потокомъ выливаются изъ души, а тропарь праздника, на маломъ входѣ, точно широкая, многоводная рѣка, выноситъ душу на самое средоточіе праздничной радости...». Въ такомъ же свѣтло-радостномъ настроеніи встрѣчаетъ русскій человѣкъ праздникъ Пасхи, который изображается у автора слѣдующими чертами. «Вотъ наступило время праздника праздниковъ... Одѣтый по праздничному, ночью идешь по темной еще улицѣ,—не звонили еще; въ церкви темно, но она уже полна народомъ, всякій спѣшитъ занять свое мѣсто, и стоятъ всѣ одѣтые по праздничному, съ новыми свѣчами, и носится по всему храму таинственный шепотъ ожиданія.—Зажигаютъ свѣчи въ большихъ паникадилахъ...; вынесли изъ алтаря иконы, сняли съ мѣста хоругви..., запѣли: «воскресеніе Твое, Христе Спасе», и тронулся крестный ходъ. Затворились двери, всѣ зажгли свои свѣчи, и у всѣхъ такія спокойныя важныя лица, и всѣ стоятъ тихо, тихо, не говоря ни слова... Но вотъ за дверями послышались отрывистые звуки возгласовъ священника и отвѣты хора,—толпа зашевелилась; люди крестятся и молятся и шепчутъ. Вдругъ отворились двери и раздалось громкое: «Христосъ воскресе!» и въ отвѣтъ ему народъ загудѣлъ свое стоязычное: воистину! И скоро вся церковь запѣла вмѣстѣ съ хоромъ радостныя пѣсни воскресенія. О, святыя пѣсни, всякому знакомыя, всякому милыя! Кто изъ

русскихъ людей не знаетъ и не поетъ васъ и не отвѣчаетъ на ваши звуки всѣмъ своимъ сердцемъ!..».

Изъ этихъ немногихъ извлеченій ясно видно, что означенная книга написана съ искреннимъ религіознымъ чувствомъ, съ глубокимъ пониманіемъ церковныхъ службъ и духа русскаго народа. Изложенная блестящимъ литературнымъ языкомъ, она съ несомнѣннымъ интересомъ и душевною пользою прочтется православнымъ христіаниномъ. Цѣна книги, изданной роскошно и богато, вполнѣ доступная (50 коп.). Отъ души пожелаемъ, чтобы изданіе К. П. Побѣдоносцева широко распространилось по всей православной Руси, не только между городскимъ, но и сельскимъ населеніемъ. С. *І. К—въ.*

Извѣстія и замѣтки.

— **Почившій протоіерей Симеонъ Андріевскій.** Въ ночь съ 8 на 9 марта сего года мирно отошелъ ко Господу, на 80 году жизни, заштатный протоіерей звенигородскаго уѣзда, с. Козацкое, Рождество-Богородичной церкви, о. Симеонъ Іоанновъ Андріевскій, духовникъ 3 округа благочинія. Образованіе покойный протоіерей Андріевскій получилъ въ кіевской, дух. семинаріи, въ которой и окончилъ курсъ со степенью студента въ 1837 году. По окончаніи курса, покойный не спѣшилъ занятіемъ прихода, поджидая хорошаго мѣста, какое и предложено ему было митрополитомъ Филаретомъ, по смерти священника с. Козацкого, о. Ѳеодора Фидины. Козачанскій помѣщикъ, *князь Григорій Голицынъ* самъ просилъ митрополита дать ему во священника хорошаго человѣка потому, между прочимъ, что, кромѣ Варваринской церкви, въ с. Козацкомъ была другая, Рождество-Богородичная, куда требовался священникъ, служившая до 1893 г. вмѣстѣ домовой церковію для помѣщика и приходскою.

Счастливъ, кто съ самаго начала избраннаго имъ поприща могъ идти вѣрнымъ и твердымъ путемъ въ своемъ развитіи, кто могъ не томиться подъ тяжелою заботою о пріисканіи средствъ къ болѣе или менѣе сносному существованію, кто, вступивши въ тру-

довую жизнь, на поприще сельскаго пастыря, могъ не ослабить своихъ познаній, вынесенныхъ изъ школы. Такимъ счастливцемъ изъ сельскихъ пастырей конца тридцатыхъ годовъ можно почесть покойнаго о. Андріевскаго; онъ попалъ въ приходъ, гдѣ помѣщикъ православный посѣщалъ дома не только священниковъ, но и причетниковъ,—руководилъ тѣми и другими въ веденіи хозяйства, помогалъ въ постройкѣ помѣщеній и хозяйственныхъ службъ. Примѣрною пастырскою дѣятельностью о Андріевскій снискалъ себѣ глубокое уваженіе у помѣщика, какимъ пользовался и у его преемниковъ—сенатора Фундуклея и барона Врангеля, и у своихъ прихожанъ, съ которыми за всю свою долгую жизнь не имѣлъ никакихъ пререканій. Такія личности, какъ о. Андріевскій, могутъ одушевить многихъ пастырей въ неуклонномъ проведеніи въ жизнь идеи пастырскаго служенія, а для иныхъ послужить нѣмымъ укоромъ въ неумѣніи жить въ согласіи съ своими прихожанами, болѣе безпристрастными судіями нашихъ дѣлъ и поступковъ, чѣмъ мы привыкли думать. На юбилейномъ торжествѣ покойнаго, по случаю 50 л. его службы, намъ пришлось слышать отъ священника Варваринской церкви с. Козацкого, прослужившаго около 30 лѣтъ на одномъ мѣстѣ, о. Іоанна Левитскаго, человѣка прямого, безхитростного, самый лестный отзывъ о покойномъ. Помогая и матеріально меньшему собрату, о. Андріевскій никогда не стремился подать чувствовать другому свою силу и превосходство,—черта истинно благородныхъ людей. Покойный на первыхъ порахъ своего служенія обратилъ на себя особое вниманіе епархіальнаго начальства, что доказывается феноменально раннимъ для того времени полученіемъ первой награды—набедренника, на 6 году службы. Затѣмъ, какъ ровно шла его пастырская дѣятельность, такъ почти равномѣрно выпадали на его долю и послѣдующія награды: на 15 году службы получилъ скуѳію, на 25—камилавку, на 36—наперсный крестъ, отъ св. Синода, выдаваемый на 44—удостоенъ возведенія въ санъ протоіерея. За 26-лѣтнюю благочинническую службу имѣлъ орденъ св. Анны 3 степени, за 50-лѣтнюю въ санѣ священника—орденъ св Владиміра 4 степени. Съ 1876 г. состоялъ духовникомъ въ благочиніи 3 округа, съ 1884 г. уволился по прошенію въ заштатъ, уступивши мѣсто меньшему сыну своему, Евфимію Семе-

новичу, при которомъ, въ отдѣльномъ собственномъ домикѣ на церковной землѣ, въ одиночествѣ, за смертію жены своей, покойно доживалъ старческій вѣкъ свой, хваля и благодаря Господа, въ чаяніи христіанской, мирной, безболѣзненной кончины. Изъ келейнаго затвора онъ подавалъ помощь нуждающимся; болѣе значительную помощь оказалъ онъ своей приходской церкви, пожертвовавши на иконостасъ 1,000 р. Память благотворителей вѣчна; съ такою памятію пребудетъ славное имя покойнаго о. протоіерея въ приходѣ Рождество-Богороцичной церкви с. Козацкаго.

11 марта, по окончаніи божественной литургіи, чинъ священническаго погребенія надъ почившимъ протоіереемъ совершали 11 священниковъ съ мѣстнымъ о. благочиннымъ, священникомъ Андреемъ Сикорскимъ во главѣ. На погребеніи говорились рѣчи: первая—священникомъ Іоанномъ Гордіевскимъ, вторая маститымъ 79-лѣтнимъ заштатнымъ протоіереемъ, о. Петромъ Ильяшевичемъ. Церковь полна была молящимися и служащими въ имѣніи барона Врангеля. По выносѣ тѣла изъ церкви и обнесеніи его вокругъ церкви при пѣніи канона—Волною морскою,—предъ опусканіемъ тѣла въ могилу на церковномъ погостѣ, о. благочиннымъ сказана послѣдняя рѣчь. Миръ праху твоему, доблрый старче!

Свящ. *Іоаннъ Гордіевскій.*

— 26 февраля умеръ 82-лѣтній старецъ, о. Іоаннъ Чернявскій, жившій при сынѣ своемъ, священникѣ с. Пищикъ, васильковскаго уѣзда. Обязываемся сказать нѣсколько словъ о почившемъ о. діаконѣ, такъ какъ, кромѣ своей долговременной, свыше 50-лѣтней службы въ должности псаломщика въ селѣ, покойный представлялъ собою тотъ исчезающій типъ старыхъ псаломщиковъ, симпатичныхъ, скромныхъ, благочестивыхъ, смиренныхъ сельскихъ тружениковъ Божіихъ, которые были дѣйствительными и дѣятельными помощниками священникамъ въ приходѣ, въ пастырскомъ ихъ служеніи, и какихъ теперь не много въ селахъ. Въ обращеніи съ прихожанами, онъ проявлялъ вѣжливость, степенность,—въ церкви, на клиросѣ—стояніе благоговѣйное, выдержанное, не лицемѣрное, внушавшее и клирошанамъ-дѣтямъ и возрастнымъ—такое же уваженіе къ святынѣ; чтеніе его было внятное, громкое, «чтобы всѣ святые чулы»; училъ онъ такому же выразительному чтенію въ

церкви, «по точкамъ и по удареніямъ», и грамотныхъ прихожанъ; тихаго, невнятнаго чтенія покойный не допускалъ на клиросѣ во время своего 50-лѣтняго служенія Богу, въ должности псаломщика. Пѣнію церковному покойный обучалъ школьниковъ и грамотѣевъ прихожанъ со всѣмъ усердіемъ, не требуя тѣхъ предписаній и письменныхъ подписокъ, которыя практикуются въ послѣднее время по отношенію къ псаломщикамъ и часто безуспѣшно. Старый, благочестивый псаломщикъ въ бесѣдахъ съ прихожанами любилъ поговорить «о божественномъ», что весьма цѣнитъ и чѣмъ весьма дорожитъ нашъ простолюдинъ. Покойный не лѣнился ходить на домъ прихожанина для чтенія Псалтыри надъ умершимъ. Ожидать особенныхъ приглашеній для этого старые псаломщики, подобные покойному, не любили; при первыхъ ударахъ колоколовъ, «звоновъ по душѣ», псаломщикъ старый перекрестится, прочитаетъ молитву «за упокой души новопреставленнаго», и, узнавъ кто покойникъ, заворачиваетъ Псалтырь въ платокъ, беретъ ее подъ руку и отправляется въ домъ, гдѣ его уже поджидаютъ, ибо привыкли всегда его видѣть при такихъ оказіяхъ, и знаютъ, что это его прямое дѣло, какъ псаломщика: «на то онъ и псаломщикъ, читать псаломъ по усопшихъ». Не спѣша, кладетъ онъ Псалтырь, разворачиваетъ изъ платка, перекрестится и начинаетъ читать съ благоговѣніемъ и съ убѣжденіемъ, что «и душенька покойника слушаетъ Слово Божіе и утѣшается имъ», какъ слушаютъ его бабки, находящіяся при умершемъ. За это ему бывала и *мзда* многа-не многа, но не лишняя. Покойникъ, нужно отдать ему честь, и семейство свое воспиталъ образцово, и Богъ сподобилъ его видѣть пристроенными всѣхъ дѣтей своихъ: два его сына—священниками въ кіевской епархіи, (два умерли въ молодыхъ лѣтахъ, въ школьномъ возрастѣ), три дочери пристроены—выданы въ замужество: двѣ за діаконовъ, а одна была за священникомъ). Дѣтямъ своимъ покойный всегда подавалъ добрый примѣръ трудолюбія какъ дома, такъ и на полѣ, въ огородѣ, и въ саду, прекрасно устроенномъ въ его усадьбѣ. Въ послѣднее время покойный подался въ заштатъ, потому, что ослабѣлъ глазами. Къ погребенію покойнаго прибыли всѣ дѣти и, послѣ преждеосвященной литургіи, 6-ть священниковъ отпѣли погребеніе и провели тѣло къ мѣсту его упо-

коенія до всеобщаго воскресенія мертвыхъ. На отпѣваніи, послѣ Евангелія, одинъ изъ предстоящихъ, священникъ с. Дулицкаго Зиновій Гребенѣтскій почтилъ покойнаго сердечной надгробною рѣчью, въ которой приглашалъ слушателей, согласно завѣщанію церкви, воздавая послѣднее цѣлованіе умершему, возблагодарить Бога 1) за благочестивую жизнь покойнаго, какъ семьянина, 2) за достойную, 50-лѣтнюю безпорочную церковно-общественную жизнь его, въ качествѣ псаломщика, и въ 3) за блаженную будущую жизнь его, по смерти, къ которой онъ такъ усердно приготовлялся всегда, а особенно въ послѣдніе дни предъ кончиною. *Да упокоитъ Господь душу раба своего, вѣрнаго въ маломъ!* Свящ. *З. Гребенѣтскій.*

— **Вокально - музыкальный вечеръ въ селѣ Андріевкѣ.** 31-го января, съ разрѣшенія о. завѣдующаго школою, въ школьномъ домѣ с. Андріевки состоялся вокально-музыкальный вечеръ, на которомъ присутствовали сосѣдніе учителя и учительницы, а также и толпы населенія.

Пѣвческій хоръ, подъ моимъ управленіемъ, исполнилъ многія народныя патріотическія пѣсни, подъ аккомпаниментъ духовой музыки,—а именно, гимны: 1) Боже, царя храни... 2) Коль славенъ... 3) А также пѣсни: Славься, славься»... 4) Слава нашему царю, ура!... 5) Многіе лѣта, правосл. рус. царь... 6) Куда ты ведешь насъ .. 7) Да вскипитъ ѳіалъ... 8) Солдатушки... 9) Шумитъ Марица... 10) Мы дружно на враговъ и др.

Поводомъ къ устройству этого вечера послужилъ Высочайшій манифестъ нашего возлюбленнѣйшаго монарха о предстоящей коронаціи, который былъ прочитанъ съ церк. каѳедры мѣстнымъ священникомъ о. Пофиріемъ Левитскимъ. И кстати, этотъ вечеръ отвлекъ многихъ изъ прихожанъ села Андріевки отъ масляничнаго разгула.

Уже съ полдня шли подготовленія къ этому вечеру: одинъ прилаживалъ къ школьному крыльцу флаги, другой привѣшивалъ на проволокѣ разноцвѣтные бумажные фонарики, а третій кое-что другое дѣлалъ,—словомъ, всѣ были на ногахъ...

Народъ съ разныхъ околодковъ сходился, спѣша занять мѣсто хотя у барьера противъ окна школы. Сотенная толпа слушателей помѣщалась частью въ классной комнатѣ, а большею частью на

дворѣ. Всѣ царскіе гимны хоръ пѣвчихъ пѣлъ на дворѣ подъ аккомпаниментъ духовой музыки и тогда весь народъ стоялъ съ обнаженными головами. Корчма въ этотъ вечеръ совершенно опустѣла.

Въ 8 час. вечеръ былъ законченъ; но толпа народа все еще оставалась; толпились, выжидали, что вотъ, вотъ, еще что-нибудь запоютъ. Цѣлью этого вечера, между прочимъ было объединить окружающихъ учителей и учительницъ въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ воспитаніе народное, въ духѣ патріотизма; а самая главная—обратить вниманіе на преподаваніе церковно-хороваго пѣнія, вызвать любовь къ этому предмету, чтобы на спѣвку спѣшили не только малые, но и взрослые обоего пола. Каждая деревня непремѣнно могла бы выставить въ своемъ храмѣ свой довольно стройный хоръ пѣвчихъ, лишь бы учитель или учительница полюбили церковное пѣніе, а любя этотъ предметъ передали бы свою любовь и пѣвцамъ. А отъ пѣвчихъ любовь къ пѣнію перешла бы и въ народъ. О, какъ бы и этимъ средствомъ можно было бы поднять народъ въ его духовной жизни, или, по крайней мѣрѣ, отвлечь его хоть въ нѣкоторые дни отъ пьянственнаго разгула! Уч. *П. Ляхоцкій.*

Неоффиціальной части редакторъ, прот. *Павелъ Троцкій.*

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Славяно-русскіе.		Цѣна въ перепл. р.	к.
Въ 24-ю д. л., въ корешкѣ, съ золотымъ крестомъ . . .		—	80
« 16-ю « « « темной кожѣ, съ золотымъ крестомъ .		1	70
Славянскіе.			
Въ 16 ю д. л., въ кол. съ золотымъ крестомъ		—	60
« 32-ю « « « « « съ псалт. .		—	40
4-ро Евангелія. (Съ указателемъ церковныхъ чтеній).			
Русскія.			
Въ 32-ю д. л., въ коленкорѣ. съ золотымъ крестомъ . .		—	15
« 16-ю « « то же съ золотымъ крестомъ		—	30
Славяно-русскія.			
Въ 16-ю д. л., въ коленкорѣ, съ золотымъ крестомъ . .		—	60
Славянскія.			
Въ 16 ю д. л., на славянс. яз., съ зол. кр.		—	40
Псалтири.			
Въ 16-ю д. л., русскія, въ тисненомъ коленкорѣ . . .		—	30
« 32-ю « « « « « «		—	7
« « « « сдавянскія, « «		—	30
« « « « « « «		—	10
Библіи.			
На русскомъ языкѣ, въ 8-ю д. л., въ кожѣ		3	50
« « « « « « « корешкѣ		3	—
« « « тоже въ золот. обрѣзѣ, въ футлярѣ.		5	—
« славянскомъ языкѣ, въ 8-ю д. л., въ кожѣ		3	60
« » « « 18-ю « « « корешкѣ . . .		1	75
Евангелія-брошюр. русск. въ 32-ю д. л., кажд. Евангел. влож. отд. въ перепл.		—	5

Съ требованіями св. книгъ слѣдуетъ адресоваться въ складъ Общества, помѣщающійся на Красносельскомъ рынкѣ, д. № 8.
Адресъ для телеграммъ: Москва, Голубеву, Покровка, д. № 52.

№ 8 сданъ на почту 16 апрѣля.

Отъ Кіевск. Духовн. цензурн Комитета печат. дозвол. 12 апрѣля 1896 г.
Цензоръ, проф Акад., свящ. *І. Корольковъ.*
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул. д. № 4.